УДК 341

ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕАЭС)

Д. А. ЛАЗУКО
(Представлено: В. В. Дорина)

Статья посвящена трансформации принципа территориальности в международном праве под влиянием интеграционных процессов. Рассматривается эволюция принципа от вестфальской модели территориального суверенитета до функциональной экстерриториальности в рамках ЕАЭС. На примере таможенного регулирования, охраны товарных знаков и защиты конкуренции показано, что территориальность не отменяется, а модифицируется: экстерриториальное действие права Союза носит ограниченный характер и основано на согласии государств-членов. Делается вывод о формировании модели «ограниченной экстерриториальности», где территориальный суверенитет остается фундаментом интеграции.

Принцип территориальности традиционно рассматривается как один из краеугольных камней международного публичного права. Его сущность восходит к вестфальской системе, закрепившей представление о государстве как о суверенном территориальном образовании, обладающем исключительной юрисдикцией в пределах своих границ и не имеющем права осуществлять властные полномочия за их пределами. Как отмечает Л. И. Ивонина, «принципиальное признание территориального суверенитета имперских сословий (помимо их традиционных привилегий) привело к их независимости от имперской власти», а сам Вестфальский мир «заложил основы современного международного права и современной политической картины мира как совокупности суверенных, независимых и равноправных национальных государств» [1]. Именно эта модель, основанная на территориальном суверенитете как необходимом атрибуте любого государства, стала отправной точкой для последующего развития доктрины территориальности в международном праве.

В доктрине международного права принцип территориальности традиционно рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, как позитивное полномочие государства распространять свою юрисдикцию на всех лиц, находящихся на его территории. Во-вторых, как негативное ограничение: государство не вправе осуществлять властные полномочия на территории другого государства без его согласия. В доктрине международного права принцип территориальности традиционно рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, как позитивное полномочие государства распространять свою юрисдикцию на всех лиц, находящихся на его территории. Во-вторых, как негативное ограничение: государство не вправе осуществлять властные полномочия на территории другого государства без его согласия. Анализируя работу А.В. Темираева [2], посвященную принципу территориальной целостности как общепризнанному принципу права, мы пришли к выводу, что территориальная целостность в международном праве представляет собой сохранение суверенитета государства над имеющейся у него территорией и обеспечивается защитой территории от попытки насильственного ее захвата иностранным государством, добровольной передачи части ее иностранному государству, а также насильственного раскола государства и создания на его территории других независимых государств вопреки его национальным интересам. Как отмечает указанный автор, всякое ограничение территориальной целостности есть ограничение государственного суверенитета и возможно лишь с непосредственного согласия государства и в соответствии с нормами международного права.

Однако развитие международных экономических отношений, рост трансграничной мобильности капитала и рабочей силы, появление глобальных цифровых платформ – все эти факторы уже с середины XX века стимулировали поиск более гибких моделей. В доктрине сформировалось понимание того, что территориальность не является абсолютной категорией: существуют «разумные территориальные связи», которые могут служить основанием для распространения юрисдикции за пределы государственных границ. В контексте интеграционных образований принцип территориальности претерпевает наиболее существенную модификацию. Создание единой таможенной территории, в пределах которой отменяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, предполагает замену нескольких национальных таможенных территорий одной союзной. Изучив работу С.В. Комендантова [3], посвященную международно-правовым последствиям создания таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), мы пришли к следующим выводам. Создание таможенного союза представляет собой форму торгово-экономической интеграции сторон, предусматривающую единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера. Однако даже в рамках таможенного союза территориальность

не исчезает полностью, а трансформируется в то, что может быть названо дифференцированной территориальностью. Таможенная территория Союза не представляет собой неразрывную географическую целостность.

Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года [4] закрепляет в статье 3 основные принципы функционирования Союза, среди которых центральное место занимает «уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности». Данная формулировка устанавливает, что евразийская интеграция не отменяет и не уменьшает суверенитета государств-членов, а осуществляется в пределах компетенции, добровольно переданной Союзу. Таким образом, в рамках интеграционного объединения территориальная целостность государств-членов остается неприкосновенной, и любые механизмы экстерриториального действия должны основываться на явно выраженном согласии заинтересованного государства.

Таможенная территория ЕАЭС, в соответствии со статьей 5 Таможенного кодекса ЕАЭС [5], включает территории государств-членов, а также находящиеся за их пределами искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией. Таким образом, таможенная территория Союза в функциональном смысле шире суммы государственных территорий: она включает объекты, расположенные за пределами государственных границ, но подпадающие под юрисдикцию государств-членов. Однако эта экстерриториальность имеет четко очерченные пределы.

Наиболее существенное отступление от принципа территориальности в правовой системе ЕАЭС связано с созданием единой системы охраны товарных знаков. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС, принятый в Москве 3 февраля 2020 года [6], учреждает региональную систему регистрации, в рамках которой заявитель может получить правовую охрану на основании одной заявки, поданной в любое из пяти национальных патентных ведомств. Товарный знак Союза, согласно статье 2 Договора, представляет собой обозначение, «охраняемое одновременно на территориях всех государств-членов». Это означает, что с точки зрения правового режима охраны товарный знак ЕАЭС функционирует как единый объект, что является прямым отступлением от классического принципа территориальности, согласно которому товарный знак охраняется в каждой стране отдельно.

Однако и здесь экстерриториальность не является абсолютной. Анализ процедуры регистрации показывает, что заявка на товарный знак Союза подается в патентное ведомство государства правообладателя, после чего оно проводит формальную экспертизу и направляет заявку на экспертизу по существу в патентные ведомства остальных государств-членов. Каждое ведомство проводит самостоятельную экспертизу, и «необходимость принятия каждым государством-членом ЕАЭС решения о регистрации того или иного товарного знака по-прежнему исключает абсолютную экстерриториальность». Более того, экстерриториальное действие правовой охраны товарных знаков ЕАЭС ограничивается региональным принципом исчерпания прав. Согласно пункту 16 приложения № 26 к Договору о ЕАЭС, правообладатель не вправе препятствовать использованию товарного знака в отношении товаров, введенных в хозяйственный оборот им самим или с его согласия на территории любого из государств-членов.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько доктринальных выводов относительно эволюции принципа территориальности в контексте евразийской интеграции. Принцип территориальности не отменяется, а модифицируется: государства-члены ЕАЭС сохраняют суверенитет и территориальную целостность как основополагающие принципы своего существования, о чем свидетельствует текст Договора о ЕАЭС, неоднократно подчеркивающего недопустимость осуществления юрисдикции одного государства на территории другого. Экстерриториальное действие права ЕАЭС носит функциональный характер и распространяется лишь на те сферы, где это необходимо для достижения целей интеграции: таможенное регулирование, технические регламенты, охрана товарных знаков, защита конкуренции на трансграничных рынках. За пределами этих сфер национальное право государств-членов сохраняет полную силу.

Наблюдается асимметрия в степени экстерриториальности различных правовых институтов. Наиболее далеко интеграция продвинулась в сфере товарных знаков, где создан единый объект охраны. В таможенной сфере экстерриториальность ограничена признанием решений таможенных органов других государств-членов и не распространяется на контрольные полномочия. В сфере защиты конкуренции экстерриториальность производна от концепции трансграничного рынка. При этом экстерриториальность в ЕАЭС основана не на наднациональной власти, а на согласии государств-членов. В отличие от Европейского союза, где принцип верховенства права ЕС предполагает безусловное применение норм Союза на всей его территории, в ЕАЭС экстерриториальное действие основано на международном договоре и производно от воли суверенных государств.

Таким образом, принцип территориальности в международном праве переживает существенную трансформацию под влиянием интеграционных процессов. Классическая вестфальская модель, предполагавшая жесткую корреляцию между государственной территорией и юрисдикцией, уступает место более сложным конструкциям, где территориальность сочетается с функциональной экстерриториальностью. ЕАЭС представляет собой уникальный пример такой трансформации. Сохраняя приверженность принципам

суверенного равенства и территориальной целостности, Союз создает ограниченные функциональные исключения из принципа территориальности, необходимые для формирования единого рынка. Эти исключения не отменяют базовый принцип, но создают дифференцированные правовые режимы, в которых территориальность и экстерриториальность сосуществуют в сложной диалектической взаимосвязи. Дальнейшее развитие данной модели будет зависеть от того, насколько глубоко государства-члены готовы продвинуться по пути интеграции. Если опыт товарных знаков будет распространен на другие сферы (например, на единые объекты интеллектуальной собственности или на налоговое регулирование), можно ожидать дальнейшего расширения экстерриториальности. Однако в обозримой перспективе ЕАЭС, вероятно, сохранит приверженность модели «ограниченной экстерриториальности», в которой территориальный суверенитет остается фундаментом, а экстерриториальность – инструментом достижения конкретных интеграционных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивонина, Л.И. Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира / Л.И. Ивонина // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. – 2019. – № 5 – С. 96–113.
2. Темираев, А.В. Принцип территориальной целостности как общепризнанный принцип права и его соотношение с другими принципами права / А.В. Темираев // Образование и право. – 2016. – № 10 – С. 21–28.
3. Комендантов, С.В. Международно-правовые последствия создания таможенного союза в рамках ЕврАзЭС / С.В. Комендантов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 1 – С. 37–42.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : в ред. от 21 нояб. 2023 г. : с изм. от 22 июня 2026 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 10.10.2026).
5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза : подписан в г. Москве 11 апреля 2017 г. : в ред. Протокола от 29 мая 2019 г. : с изм. от 25 дек. 2023 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 10.10.2026).
6. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза : подписан в г. Москве 3 февраля 2020 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 10.10.2026).